

Чтоб оценить всю важность нанесенной русскому театру потери, нужно вспомнить, что Мартынов умер 44-х лет, слишком рано, как человек, и еще раньше, как артист, умер в цвете сил и полного развития своего таланта, в ту эпоху, когда он истинно понял свое назначение, встал на прямую, широкую дорогу, стряхнул с себя всю театральную ветость и вполне отдался своему делу. Невольно задаешь себе вопрос, чтобы было, еслиб этот человек прожил еще лет двадцать? Покойный Белинский, этот строгий ценитель и знаток в искусстве, в одном месте своих критических заметок о театре замечает: "Господа! Мартынов великий талант!"

Необыкновенно скромный по характеру, Мартынов никогда не доверял своим силам, не возносился своим дарованием, не обольщался успехом, не пренебрегал дельным замечанием, добрым советом, не думал, что дело его кончено, слава упрочена, а постоянно стремился к большему и большему совершенству, был для самого себя самым строгим судьей; с замирающим сердцем он выходил перед публикой, не смотря на то, что эта публика знала своего любимца двадцать лет, и со слезами радости на глазах, ободренный ласковым приемом, всегда оставлял ее. Человек до крайности нервный, с теплой душой, с огромным запасом неподдельного чувства, Мартынов принимал слишком близко к сердцу, каждый новый успех свой; можно сказать, что эти успехи, были одной из разрушительных причин, действовавших на его слабую натуру; усталый, еле дыша, с слезами на глазах он возвращался иногда из театра в свой семейный круг. "Что вы меня все хвалите, говорил он, окружавшим его знакомым, - вы лучше скажите, в каком месте я плох был, тогда я скажу спасибо и исправлюсь, а похвалы ни к чему не ведут". - Как глубоко чувствовал покойный артист, можно видеть из следующего обстоятельства. Раз дома, в кругу близких друзей, кто-то попросил его пронести некоторые места из только что вышедшей в свет "Горькой Судьбины" Писемского; он отказался, говоря, что читать ее зря нельзя, нужно самому понавыкнуть, но тут же взял лежавшую на столе драму и прочел самый конец последнего действия, всего строк пять, когда скованный Ананий прощается с окружающим его миром, прочел и не только прослезился, а залился слезами; некоторые из присутствовавших тоже заплакали, не от слов Анания, а глядя на артиста, до такой потрясающей степени сочувствующего своему искусству. Понятно, после этого, что такая горячая, но вместе с тем физически слабая натура, сильно потрясалась не одним Ананьем, а каждой ролью, скольконибудь выходящую из общего уровня, она вся переносилась в эту роль, глубоко проникалась ею: вот и причина страстной жизненной правды в игре покойного Мартынова.

Невыразимо жаль его, как артиста, и жаль как человека. Добрый, безукоризненно честный, чуждый всякой зависти, враг лести, прекрасный семьянин, он был опорой своего семейства, другом и поддержкой своих родных и заслуживал полное уважение от всех знавших его. Мартынов не любил большого общества, он терялся в нем, чувствовал себя не на месте, и только небольшой кружок близких знакомых, некоторых литераторов да актеров, раз в неделю посещавший артиста, составлял его единственное развлечение. - Здесь говорилось об искусстве, рассказывались разные театральные анекдоты, иногда читались новые драматические произведения, иногда происходили домашние детские спектакли, большей частью сюрпризы для отца; иногда, когда разговор не клеился, устраивалось невинное лото или мушка, старинная игра, единственная, в которую кое-как играл Мартынов. Как-то тепло, отрадно было проводить время в кругу этого милого, радушного семейства, чуждого всяких претензий, окруженного людьми ему преданными. Теперь это семейство, недавно счастливо и довольное, вместе с отцом лишилось самых необходимых, насущных средств

для безбедной жизни, пятеро маленьких детей и вдова конечно долго будут оплакивать постигшую их тяжелую участь.

Мартинов сильно заболел четыре года тому назад и хотя через несколько месяцев оправился, но с тех пор здоровье его видимо слабело; путешествие за-границу, сопряженный с ним полный отдых от трудов и спокойная жизнь, кое-как подкрепляли его ослабевшие силы, но настоящая артистическая поездка по России, заботы, труды, самое торжество успеха, окончательно сломили эту замечательную жизнь.

В последний раз пред петербургской публикой, Мартинов появился в бенефис Снетковой, в "Грозе" Островского, и Божомой, как играл он, как неподдельно рыдал над трупом жены своей Катерины, точно чувствовал, что в этом рыдании было его вечное прощание, последнее обращение к обществу. - На другой же день во вторник на Фоминой неделе, он уехал в Москву, но 1-го Мая неожиданно, на один день, вернулся в свою семью. "Сердце чувствует что-то недоброе", говорил он, "быть может не увижу вас более, оттого и приехал, проститься нужно. Предчувствие не обмануло человека, семейство и Петербург увидели только заколоченный гроб своего любимца. В Одессе он заболел, силы его видимо истощились, но не смотря на это, не желая нарушать условий заключенных с одесским театром, больной продолжал играть, наконец еле-живой дотащился до Харькова и там скончался. Не хотелось умирать артисту; он чувствовал, что еще не совершил многого, что он в долгу у искусства, что нравственная артистические силы его только начинают развиваться: за несколько минут до смерти, когда ему предложили причаститься Св. Тайн, он отвечал, что еще жить будет, что рано умирать ему, что он не умрет так неожиданно, среди дороги, вдали от семейства, своих друзей и знакомых.

Вся жизнь Мартинова была полна самых разнообразных случайностей. Сын бедного дворянина, он случайно поступил в театральную школу, учился в ней сначала хореографическому искусству, чуть-чуть не сделался танцором, потом готовился быть декоратором и машинистом, случайно поступил на драматическую сцену. Заняв для первого дебюта роль какого-то заболевшего товарища, много испытал нужды, забот и горя на этом скользком поприще; в молодости, небольшим получаемым жалованьем, содержал старика отца и целое семейство, отказывал себе в последнем, по несколько верст в дождь и слякоть, иногда голодный, шел пешком на репетицию и спектакли и, наконец, после годовых тяжелых трудов и лишений, достиг своей цели, попал на настоящую дорогу, но недолго наслаждался радостью и спокойствием, плодами прежних, жестоких истязаний.

Слава актера проходит скоро, почти кончается с его жизнью, искусство его неблагоприятно, оно живет в одной памяти, будем же надеяться, что по-крайней-мере память о Мартинове не скоро изгладится из сердец людей, знавших и видевших покойного. Русская сцена останется теперь надолго в глубоком трауре; кто не согласится, что дойти в искусстве до совершенства Мартинова слишком трудно; для этого нужно много данных, много условий - нужно родиться Мартиновым. Конечно, многие из русской публики разделять с нами глубокое чувство скорби, задумаются над свежей могилой покойного, истинно оценят все заслуги его и вместе с нами скажут: "мир праху твоему, талантливый и добрый человек".

А. ВИТКОВСКИЙ

5-го сентября 1860 г:

/"Русское слово", 1860, сентябрь, отд. III, стр. 60-65/

240